

**Археологические
памятники
Чайковского
района**

МКУК «ЧАЙКОВСКАЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА»

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
ЧАЙКОВСКОГО
РАЙОНА**

документы и материалы

Чайковский

2015

УДК 016:8Р2
ББК 91.9:83
А 75

Составители:
С. В. Вылегжанина
Л. П. Шаршавина
М. В. Бодрова

Компьютерная вёрстка, набор и дизайн
Вылегжанина С. В., Бодрова М. В.

Археологические памятники Чайковского района : дайджест
П 15 / МКУК «Чайковская ЦБС» ; Центральная библиотека. – 2-е изд.,
доп. – Чайковский : ЦБ, 2015. – 42 с.

Документальные материалы об известных
археологических памятниках, находящихся в черте Чайковского
района. Особо выделены Сайгатский могильник и Красное
Плотбище.

УДК 016:8Р2
ББК 91.9:83

Наш адрес: 617760, Пермский край, г. Чайковский,
ул. Кабалевского, 28
тел.: 3 – 32 – 26, 3 – 43 – 54
E-mail: cbs2006@rambler.ru
Для бесплатного распространения

ВСТУПЛЕНИЕ

К Памятникам археологии относятся все материальные остатки деятельности человека, найденные при раскопках; главные из них - поселения, погребения (могильники) и святилища.

В поселениях выделяют неукрепленные (стоянки, селища) и укрепленные (городища). Селищами и городищами обычно называют памятники эпохи бронзы и железа. Под стоянками разумеются поселения каменного и бронзового веков.

Термин "стоянка" очень условен. Сейчас он вытесняется понятием "поселение".

Погребения делятся на два основных вида: погребения с надмогильными сооружениями (курганы, мегалиты, гробницы) и погребения грунтовые, т.е. без каких-либо надмогильных сооружений. Наиболее сложные сооружения - мегалитические погребения (мегалит - от др.-греч. "мегас" - большой, "литое" - камень), т.е. погребения в гробницах, сооруженных из больших камней, - дольмены, менгиры и т.д. Самые известные из гробниц - пирамиды. На территории нашей страны пирамиды строили из дерева и земли. От них сохранились лишь насыпи - курганы. Погребения говорят о возрасте умерших, а следовательно, и о средней продолжительности жизни человека, об образе его жизни, о том, чем он питался. Рост, время полового созревания, брачный возраст, внешний вид и многое другое специалисты могут определить, не имея даже полного скелета.

Погребения, а в особенности обряд захоронения, свидетельствуют о религиозных воззрениях, верованиях, мировоззрении соплеменников умершего.

ГЛАВА 1

Памятники археологии Чайковского района

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

№ п/п	Наименование памятника	значение	датировка	Местоположение
1	Сайгатский могильник	федеральный	4-6 в. н.э.	Бывшая д. Сайгатка, на левом берегу Камы, в километре к югу от села, в верхней части склона северного отлога оврага Рогалиха
2	Зипуново I, селище	региональный, краевой	II тыс. до н.э.	Северо-западная окраина д.Зипуново, правый берег р.Буренка
3	Ольховка, поселение	региональный, муниципальный		Центральная часть с. Ольховка
4	Ольховское I, городище	региональный, краевой	I-нач. II тыс. н.э.	Северо-восточная окраина с. Ольховка, на высоком берегу реки Кама, между Ольховкой и бывшей пристанью Сайгатка
5	Ольховское II, городище	региональный, краевой	I-нач. II тыс. н.э.	0,2 км к востоку от с. Ольховка, на левом берегу р. Кама, на высокой окраине села Ольховка в 300 метрах от реки Кама, там, где у подножья

				запущенного склона протекает ручей Ольховка
6	Ольховское III, городище	региональный		Восточная окраина с. Ольховка
7	Рогалихинское городище	региональный, краевой	кон. I тыс. н.э.	Юго-западная окраина г. Чайковский, левый берег р.Кама
8	Усть-Букорок, городище	региональный, краевой	V тыс. до н.э. - II тыс. н.э.	Северо-западная окраина д. Русалевка Фокинской с/а, левый берег р. Сайгатка, устье р.Букорок
9	Чернушка, поселение	региональный, краевой	III тыс. до н.э.-II тыс. н.э.	д. Чернушка Ольховской с/а, левый берег р,Кама
10	Красное плотбище, поселение	региональный, краевой	энеол., жел.в., IV тыс. до н.э. – сер. I тыс. н.э.	Южная окраина кордона Красное Плотбище Ольховской с/а.
11	Мутнушка, селище	региональный, муниципальный		Южная окраина г. Чайковского
12	Сайгатка, городище	региональный, муниципальный	III - V века н. э.	Южная окраина г. Чайковского, в 1,0 км от бывшей деревни Сайгатка

Ольховское III, городище находится в трёх километрах к юго-востоку от деревни в местечке "Чукщины ряды". Площадка занимает длинную стрелку, вытянутую с севера на юг и ограниченную глубокими оврагами. Длина площадки 230 метров, наибольшая ширина 80 метров. С южной стороны она окаймлена тремя рядами валов и рвом длиной до 90 метров. В центральной части - два внутренних вала, разрушенных при рытье котлована. С северной стороны площадка ограничена ещё одним валом, длиной 25 и высотой 3 метра, рвом до 9 метров ширины. Поверхность площадки задернована и в большинстве покрыта лесами. Культурный слой у южных валов достигает метра. В нём много керамики и костей.

Красное плотбище, поселение Находится на краю террасы левого берега реки Кама в 4 километрах юго-восточнее д. Чернушки у лесного кордона. Открыта В. А. Могильниковым в 1954 году, раскопки велись В. П. Денисовым в 1969-1975 гг. Обнаружены полуземляные прямоугольные жилища турбинской культуры эпохи бронзы (9x8 метров) очаги и хозяйственные ямы, а также несколько разрушенных погребений с металлическими вещами турбинского типа (II тысячелетие до н. э.). Найден богатый вещественный материал эпохи неолита и бронзы - кремневые и каменные шлифованные орудия труда, наконечники стрел, а также обломки глиняной посуды железного века. Поселение является самым южным в Пермском крае многослойным памятником.

Сайгатка, городище Находится на левом высоком берегу р. Кама на мысе высотой 75 метров, в километре к юго-востоку от села. Площадка овальной формы размером 2300 кв. м. приподнята над окружающей местностью и обрывается с северо-востока и юга уступами до 1 метра высотой, которая и представляла, очевидно, в древности укрепление. Вал разрушен. Площадь городища 4,5 тысячи метров. Культурный слой тонкий и содержит небольшое число обломков посуды и костей животных. Открыто в 1954 году В. Л. Могильниковым. В 1966 году разведочные раскопки проведены Н. Б. Поповой. В культурном слое (60-80 см.) найдены обломки керамики мазунинской культуры III - V века н. э.

Изучение данных памятников проходило под эгидой областного музея и кабинета археологии при Пермском гос. университете. Было организовано две исследовательских партии: одна под руководством В. П. Денисова, вторая - Н. Б. Поповой. Археологам помогали в работе школьники города.

СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В МЕСТНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

НЕКРОПОЛИ ЗЕМЛИ ЧАЙКОВСКОЙ

Имайкина Е., ведущий специалист районного центра
традиционной народной культуры УКиИ

НЕКРОПОЛЬ - наиболее распространенный, но до последнего времени наименее чтимый памятник истории и культуры. Он сочетает в себе понятия материальности, духовности и мемориальности. Без этого наследия нельзя представить краеведение и историю.

Места захоронения предков у всех народов и во все времена почитались священными. Осквернение, уничтожение могил, надгробий, памятников - кощунство. Особо близкой и чтимой считалась земля, в которую захоронены предки. Она называлась «родительской». Спасительные и очистительные свойства приписывались земле, собранной с семи могил добродетельных людей. Сама земля выступала своеобразным посредником между поколениями. Давняя традиция, запрещающая застраивать кладбищенское место, дает основание рассматривать старые некрополи как навсегда заповедные зоны.

Употребляя термин «некрополь», помним ли мы, как называлось кладбище на Руси раньше? Называлось - погост, божья нива, погребалище, гробище, вогробище, борок, буйвище, могильник, жальник, усыпалище, упокоище, скудельница. В русских причитаниях могила называлась «урочным местом». Сюда шли со своим горем вдовы и сироты, девушки гадали под Новый год, припавши ухом к могиле, предварительно очертив около себя на снегу круг. Согласно крестьянским поверьям, пребывающий в могиле покойник охраняет кладбище, первый схороненный - «хозяин кладбища».

Для чего воздвигались памятники? Для того чтобы всегда можно было найти то место, где похоронен человек, по надписи узнать, кто он и когда умер. Некоторые исследователи считают, что

традиция класть надгробный камень идет от желания удержать «зло» под землей, и пригоршни земли, которые бросают на гроб присутствующие на похоронах, являются переиначенными символами этого же желания.

На кладбище не ходили от Дмитриевской субботы до Радуницы, говорили: «Покойники спят, отдыхают, их не надо беспокоить». Днем поминовения умерших считался вторник на второй неделе после Пасхи - Радуницу. Обряды поминания умерших приходятся и на Троицкую неделю, были приурочены к Семику - четвергу Троицкой недели. В ряде мест на Семик поминали только недавно умерших. Основным временем посещения кладбища была Троицкая родительская суббота, когда люди ходили на кладбище прибирать могилы.

Часто ли задаемся вопросом, каково состояние Чайковского некрополя? Что он собой представляет?

Наиболее древним некрополем г. Чайковского является Сайгатский могильник, памятник археологии республиканского значения, датируемый 3-5 вв.н.э. Находится могильник между Сайгаткой и Ольховкой, занимает верхнюю часть склона северного отрога оврага Рогалиха, обращенного устьем к реке Кама. Северо-западная часть могильника заросла травой, а юго-восточная покрыта сосновым лесом. Поверхность могильника значительно разрушена, особенно на севере и северо-западе, где рядом проходила дорога. Внешних признаков погребений не сохранилось. Этот исторический некрополь наиболее изучен.

Погребальный обряд, комплекс предметов из захоронений позволяют ученым сделать вывод о принадлежности могильника к числу памятников мазунинской культуры. Это один из самых северных мазунинских могильников. Современное состояние памятника оценивается областным центром охраны памятников как критическое.

Еще один некрополь - кладбище села Сайгатка, находящееся в старой части города. Данный некрополь не изучен. Не сохранились до нас ни часовня, ни Сайгатская церковь. Кладбище не имеет определенных границ, территория не огорожена, число

захоронений неизвестно. Кладбище в критическом, аварийном состоянии - многие памятники разрушены, кресты упали. Территория поросла лесом. Рядом с кладбищем расположились сады-огороды городских жителей. Довольно часто могильные холмики и кресты соседствуют с заборами огородов, так что родственникам, решившим навестить могилки, приходилось, сокрушаясь, пробираться окольными путями. Примерная площадь кладбища к 2003 г. составляет 2,73 га. Сегодня кладбище практически не посещается, некому позаботиться о его состоянии. А когда в последний раз его посещал священник?

Памятником областного значения является братская могила с установленным над ней обелиском на улице Камской. Это перезахоронение героев гражданской войны, погибших в 1919-20 гг. Захоронение перенесено из Сайгатки на улицу строящегося поселка Чайковский в 1957 г. Памятник в хорошем состоянии.

Следующий некрополь - старое городское кладбище, находящееся между Завьяловским и Заринским районами. Захоронения на нем начались в 50-е гг. XX в. К 2002 г. на кладбище 3000-4000 захоронений. Кладбище официально закрыто с 18 мая 1989 г. В 1996 г. рядом с кладбищем появилась церковь Успения Божией матери. За могилами ухаживают родственники. По оценкам городской СЭС кладбище находится в удовлетворительном состоянии. Изучение данного некрополя не проводилось. Мы можем констатировать факт захоронения на этом кладбище многих известных людей города. Но где располагаются их могилы, известно чаще всего только родственникам и знакомым. Новое городское кладбище находится в районе Становой. Занимает площадь – 17,5 га. С начала 1990-х до 2002 г. на нём похоронено больше 12000 человек, за 2002 – около 900 человек. Состояние нового кладбища, по оценке СЭС, хорошее. За могилами ухаживают родственники, на кладбище есть смотрители, которые постоянно там проживают уже 12 лет, следят за чистотой и порядком. В июле 2001 года на кладбище была построена Свято-Георгиевская часовня. Отец Сергей, инициатор строительства часовни, рассказывал: «Меня как-то пригласили отслужить чин

отпевания на кладбище. Начал я службу и чувствую – что-то не то. Свечи гаснут, и обстановка какая-то беспокойная. А по православным канонам значит – если существует кладбище, значит должна быть и часовня. И я решил – она обязательно будет. Поделится мыслями с прихожанами... Местные власти пошли навстречу. С миру по нитке – кто деревом, кто кирпичом помогал, построили часовню. В последние годы многие горожане стали посещать кладбище в положенные церковью дни поминовения». На сегодняшний день свободной земли для захоронений осталось совсем немного – хватит на два, максимум на три года. Расширять его дальше некуда – мешает Кама. Планируется строительство нового кладбища, под которое выделяют 20-25 га земли. Следовательно, лет через 5-10 теперешнее «новое» кладбище превратится в «старое». И, вполне возможно, при нашем отношении к некрополям, его постигнет участь «старых» кладбищ. Территория города Чайковского – около 31 кв. километра. В черту города входят те населённые пункты, которые когда-то располагались поблизости от села Сайгатка. По воспоминаниям старожилов, строительство города проводилось и на территории деревенских кладбищ. Где на самом деле находились эти кладбища, можно будет узнать, изучив архивные источники. Не менее важно изучение и сохранение исторического некрополя территории, прилегающей к Чайковскому и включающей 50 населённых пунктов. Упадок некрополя – симптом духовной болезни нашего общества. Во все времена отношение к умершим служило мерилom нравственности людей. Для будущей судьбы старых кладбищ не столько важна охрана памятников истории и культуры, сколько созидание самой культуры, возрождение духовности. Кладбищу необходимо вернуть традиционный религиозный статус, который отличает его от архива (интересующего историков), свалки (предмета забот санэпидемнадзора) или парка отдыха (притягательного для любопытствующих экскурсантов). Вернуть отношение к нему как реальной религиозной святыне.

Огни Камы, 2003, 17 июня, С. 4.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ДАЛЁКОГО ПРОШЛОГО

Н. Кузьмин, краевед

В последние годы на территории нашего района найдено три каменных долота-топорика, которые археологи относят к временам неолита, а это значит – люди здесь жили, примерно, 8–4 тысячи лет тому назад.

Краеведы музея заинтересовались: имеются ли археологические памятники в непосредственной близости от нашего города? В техническом отделе Воткинскогогэсстроя и у краеведа А. В. Соловьёва действительно оказался такой список с описанием археологических памятников, который был передан музею.

Ольховское городище «первое» находится на высоком берегу реки Камы, между Ольховкой и бывшей пристанью Сайгатка. Ольховское городище «второе» расположено на высокой окраине села Ольховка в 300 метрах от реки Камы, там, где у подножья запущенного склона протекает ручей Ольховка. Ольховское городище «третье» находится в трёх километрах к юго-востоку от деревни в местечке «Чукшины ряды». Площадка занимает длинную стрелку, вытянутую с севера на юг и ограниченную глубокими оврагами. Длина площадки 230 метров, наибольшая ширина 80 метров. С южной стороны она окаймлена тремя рядами валов и рвом длиною до 90 метров. В центральной части – два внутренних вала, разрушенных при рытье котлована. С северной стороны площадка ограничена еще одним валом, длиной 23 и высотой 3 метра, рвом до 9 метров ширины. Поверхность площадки, задернована и в большинстве покрыта лесами. Культурный слой у южных валов достигает метра. В нем много керамики и костей.

Сайгатский могильник расположен на левом берегу, в километре к югу от села, в верхней части склона северного отлога оврага Рогалиха. Сайгатское городище находится на высоком берегу Камы, в километре к юго-востоку от села. Площадка овальной формы размером 2300 квадратных метров приподнята над

окружающей местностью и обрывается с северо-востока и юга уступами до 1 метра высотой, которая и представляла, очевидно, в древности укрепление. Культурный слой тонкий и содержит небольшое число обломков посуды и костей животных. Эти сведения об археологических памятниках музей получил в 1964 году.

Актив музея этим заинтересовался и связался с областным музеем и кабинетом археологии при госуниверситете, чтобы ускорить изучение этих памятников. Кабинет археологии и облмузей поддержали нашу просьбу. Так были организованы две партии по изучению памятников: одна под руководством В. П. Денисова, а вторая — Н. Б. Поповой. Археологам помогали в работе школьники города.

В первую очередь определили местонахождение археологических памятников. Разыскали оба Ольховских городища, но ввиду того, что в них незначительный культурный слой и очень мало археологических находок, от изучения их воздержались. Местонахождение «третьего» Ольховского городища разыскать не смогли. Детально об этих поисках описано в книге «Памятники истории и культуры Пермской области».

Сайгатское городище находится на мысе высотой 75 метров. Это территория левого берега Камы в полутора километрах к югу от села Сайгатка. Площадь городища 4,5 тысячи метров, вал разрушен. Открыто в 1954 году В. Л. Могильниковым. В 1966 году разведочные раскопки проведены Н. Б. Поповой, в культурном слое (60—80 сантиметров) найдены обломки керамики мазунинской культуры. Городище является одним из немногих хорошо сохранившихся поселений мазунинской культуры III — V века нашей эры.

Сайгатский могильник находится в 250 метрах юго-восточнее Сайгатского городища, на левом берегу Камы. В 1914 году Л. А. Беркутовым были вскрыты 2 погребения. В 1954 году В. Е. Стояновым — 43, а в 1966 году Н. Б. Поповой—2. Умерших в то время хоронили в неглубоких могильных ямах, в деревянных гробницах. В ямах найдены костяные наконечники стрел,

принадлежности костюма, в том числе медные, и железные шейные гривны, крупные халцедоновые бусы. Могильник принадлежит к наиболее изученным памятникам мазунинской культуры. Часть находок археологи передали нашему музею.

Стоянка «Красное плотбище» находится на краю террасы левого берега Камы в 4 километрах юго-восточнее д. Чернушки у лесного кордона. Открыта В. А. Могильниковым в 1954 году, раскопки велись В. П. Денисовым в 1969—1975 годах. Обнаружены полуземляные прямоугольные жилища турбинской культуры эпохи бронзы (3х8 метров) очаги и хозяйственные ямы, а также несколько разрушенных погребений с металлическими вещами турбинского типа (II тысячелетие до н. э.).

Найден богатый вещественный материал эпохи неолита и бронзы—кремневые и каменные шлифованные орудия труда, наконечники стрел, а также обломки глиняной посуды железного века.

Поселение является самым южным в Пермской области многослойным памятником.

Теперь стало ясно, что каменные долота-топорики были утеряны нашими предками, которые жили в стоянке «Красное плотбище». Остается разгадать еще одну загадку — найти «третье» Ольховское городище, которое, безусловно, даст богатый материал по изучению прошлого нашего края. Это городище откроет что-то новое.

Будем надеяться, что в следующем полевом сезоне эта загадка будет разгадана. Но это только начало. На территории нашего района должны быть еще такие поселения, которые могут быть открыты совершенно случайно. Каждому жителю города и района нужно быть внимательным при посещении полей, лугов и лесов, особенно в местах, где протекают речки и ручьи с крутыми обрывистыми берегами, а о найденных древних вещах сообщить в наш музей.

Огни Камы. - 1981. - 9 апр. - С. 3.

НЕМЫЕ СВИДЕТЕЛИ

Н. Кузьмин, общественный директор музея

Чайковцы хорошо знают гору Стрижуху возле самой Камы, между городом и Ольховкой. Там возвышается гигантская металлическая опора, линия электропередачи от нее тянется на правый берег реки.

Но мало кому известно, что юные краеведы школы-интерната под руководством работников музея обнаружили на этой горе признаки древнего городища, в котором могли жить далекие предки, примерно, в пятом—десятом веках нашей эры. По соседству — «Сайгатский могильник».

Два года назад ученик школы № 1 Вова Мельников нашел в районе горы каменное долото-топорик. Специалисты относят этот древний инструмент к эпохе неолита.

В сентябре этого, года Д. В. Черкашин, работая в своем огороде, обнаружил каменный топорик такой же длины, но более узкий. У этого изделия обух был почти законченной формы.

Очевидно, что оба инструмента были изготовлены примерно в одно и то же время.

Археологи из Пермского госуниверситета пришли к выводу, что две таких находки дают основание считать: на территории нашего района было поселение людей времен неолита. Следует приступить к серьезным поискам его.

Работа по определению стоянки-поселения древних людей очень сложна и сопряжена с большими затратами.

Актив Чайковского народного музея надеется, что большую помощь ему в этих поисках окажет все население города и района. Ведь многие имеют свои сады и огороды, трудятся на колхозных полях. Будьте внимательны — тщательно осматривайте неизвестные предметы, обнаруженные в земле, камни, кости. Вы можете обнаружить древний инструмент или орудие самозащиты наших предков. Особенно мы надеемся на школьников.

Все, кто хочет по-настоящему заняться краеведческой работой, получить консультацию, как вести поиски древнего поселения, обращайтесь в музей.

ГЛАВА 2

Сайгатский могильник

Сайгатский могильник - памятник археологии федерального значения, датируемый 4-6 в. н. э., является наиболее древним памятником на территории Чайковского района..

Этот могильник принадлежал к племенам угорского происхождения т. н. мазунинской культуры – одного из вариантов древней культуры, на основе которой сложилась впоследствии башкирская народность.

Находится в километре к югу от села Ольховка, в 250 метрах юго-восточнее Сайгатского городища на левом берегу Камы, в верхней части склона северного отлога оврага Рогалиха.

В 1914 году Беркутовым Л. А. были вскрыты два погребения. В 1956 году свердловским археологом Стояновым В. Е. вскрыты 43 погребения. В 1963 году Стоянов по результатам раскопок, опубликовал статью «Сайгатский могильник» в периодическом сборнике научных трудов "Вопросы археологии Урала". В 1966 году Поповой Н. Б. вскрыты ещё 2 погребения.

В IV-V веках н. э. в южные районы Пермского края продвигаются группы населения мазунинской культуры, сформировавшиеся в результате слияния пришлых групп с местным населением пьяноборской культуры на Нижней Каме. Умерших хоронили в неглубоких могильных ямах в гробовищах. В могилах найдены костяные наконечники стрел, принадлежности костюма, в том числе медные и железные шейные гривны, крупные халцедоновые бусы. Могильник принадлежит к наиболее изученным памятникам мазунинской культуры.

Раскопки на Стрижухе и Рогалихе, находящиеся в местности между Сайгаткой и Ольховкой, дали ученым-историкам немало вещественных памятников III-V и VII-VIII веков.

Сайгатский могильник зафиксировал следы племен угорского происхождения так называемой мазунинской культуры - одного из вариантов древней культуры, на основе которой складывалась потом башкирская народность. (Фокинский район Сайгатский могильник IV - VI вв. близ села Сайгатки, на левом берегу реки Камы, на горе над селом).

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Из книги: Отчёт Археологической комиссии за 1913-1915 годы. – Петроград: Девятая государственная типография, 1918. – С. 215, 259.

4) Вещи из могильника, обнаруженного в 1914 г. на берегу р. Камы, близ с. Сайгатки, Осинского уезда: череп, крупная круглая буса из халцедона, железный нож и медная пряжка. Все вещи – пьяноборского типа.

Из таблицы «Распределение случайных находок и приобретений»:

1914, Дело № 153; Осинский уезд, с. Сайгатка, вещи из могильника, Место назначения вещей – Сарапульский земский музей (череп – в Антропологический музей Академии Наук).

Из ежегодника: Вопросы археологии Урала. 1962. № 4.

Статья: Стоянов В. Г. Сайгатский могильник на Средней Каме (отрывок)

Могильник известен издавна, хотя первоначальные сведения о нём очень скудны. В музее г. Сарапул хранится бляха из крупной раковины, происходящая, согласно коллекционной описи, из окрестностей д. Сайгатка. Из архива музея известно также, что близ деревни в июне 1914 года Л. А. Беркутовым были вскрыты два погребения. Краткое сообщение об этих раскопках было опубликовано (ОАК за 1913-1915 гг.). В 1956 г. раскопки могильника у с. Сайгатки производились совместно Камской и Удмуртской археологическими экспедициями (Генинг, 1958, № 327). Описание краниологического материала из этих раскопок уже опубликовано (Акимова, 1961). Могильник расположен между деревнями Ольховка и Сайгатка Фокинского района Пермской области. Он занимает самую верхнюю часть склона северного отрога оврага Роголиха, обращённого устьем к р. Каме (рис. 47 – 1). Северо-западная часть могильника заросла вереском, а юго-восточная покрылась сосновым лесом. Поверхность могильника

значительно разрушена, особенно на севере и северо-западе, где нет вересковой поросли. Никаких внешних признаков погребений не сохранилось. В 200-250 м. к северо-западу, на высоком обрывистом мысу, находится синхронное могильнику городище.

Раскопом в 1956 г. изучена северо-западная окраина могильника (рис. 47 – 2). Это хорошо видно на плане – погребения располагались компактной полосой с северо-запада на юго-восток. К северо-западу, северо-востоку и юго-западу от этой полосы захоронений нет. На площади 405 кв. м. исследованы 43 погребения.

На площадке могильника погребения располагались четырьмя чёткими рядами, вытянутыми в направлении с северо-запада на юго-восток. Первый ряд состоял из погребений 20, 23, 17, 13, второй – 22, 21, 19, 16, 1, 4, 7, 9, 2, 18, третий – 31, 10, 11, 8, 29, 42, четвёртый – 30, 26, 27, 28, 37, 38, 32. Никаких внешних признаков погребений не сохранилось. В прошлом некоторые из них, вероятно, как-то отмечались. Этим, может быть, объясняется, что при значительной плотности рядов (особенно в юго-восточной стороне) нет случаев взаимного нарушения могил. Лишь погребение 36 перекрывало погребение 41, но оно было введено так аккуратно, что могильная яма более раннего захоронения, лишь незначительно превосходившая размерами гробовище вводного погребения, сохранилась полностью. Вероятно, погребение 11 было чем-то отмечено на поверхности.

Все погребения индивидуальные; только в погребении 21 были захоронены женщина и младенец. В большинстве захоронены взрослые, и лишь десять погребений принадлежат подросткам и детям (погребения 24, 25, 28, 30, 33, 37, 38, 39, 42, 43).

Из книги Рыбаков Б.А. Финно-угры и батлы в эпоху средневековья — М.: Наука, 1987. — 522 с. Интересные материалы были получены при исследовании Сайгатского могильника у г. Чайковска. В 1966 г. при мужском погребении там было найдено несколько стрел с железными и костяными наконечниками (Денисов В.П., Оборин В. А., Поляков 10. А., 1967, с. 100).

О Сарапульском земском музее: Археологическая коллекция начала создаваться в ходе исследований, которые проводил Лев Африканович Беркутов по поручению музея на территории бывшего Сарапульского уезда. По приглашению Л. А. Беркутова, в изучении археологической коллекции музея участвовал известный финский ученый-археолог Тальгрэн. С 1910 года Беркутов проводил раскопки на ряде прикамских городищ Сарапульского уезда. Летом 1913 года Совет музея захотел создать карту всех известных городищ и курганов, возлагая это на Л.А. Беркутова. В том же году Лев Африканович проводил раскопки кургана у деревни Юшковой.

Также фибулы с завитком на конце пластинчатого приемника зафиксированы в погребениях Ново-Сасыкульского, Мазунинского, Сайгатского могильников.

Из книги: Известия Императорской археологической комиссии. – Петроград, 1914. – С. 109–110.

ПЕРМСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Археологическая разведка близ села Сайгатки. Член правления общества изучения Прикамского края Д. В. Шабердин в мае текущего года дважды посетил городище и могильник близ паромных пристаней у села Сайгатка, Осинского уезда. В первый раз он привёз с собой с городища несколько черепков глиняной посуды, а во второй раз ему удалось около одного обнажившегося от земли костяка найти клинок железного ножа, длиною в 2, 5 вершка, и агатовую шарообразную, хорошо отшлифованную бусу, диаметром в 3 сант. Эти находки возбудили интерес среди других членов упомянутого общества. 7 июня на пароходе из Сарапула в Сайгатку отправилась экскурсия с целью лично повидать упомянутые памятники старины и по пути произвести на них разведки.

В состав экскурсии входили: археолог Л. А. Беркутов и члены правления общества Ф. В. Стрельцов, П. П. Беркутов и Д. В. Шабердин.

Городище расположено на очень гористом левом берегу Камы, как раз над пристанью. Во время подъёма экскурсантов на площадку, расположенного ниже городища саженях в 100, в откосе были найдены черепки глиняной посуды. Городище представляет из себя треугольную площадку, ограниченную с одной стороны обрывистым берегом Камы, с другой – оврагом и с третьей – довольно хорошо сохранившимся валом. В осыпи, идущей в овраг, было найдено довольно значительное количество черепков глиняной посуды. Около вала найдены в небольшом количестве такие же черепки и много галек голышей, которые очень удобно кидать из пращи. Осмотрев городище, компания направилась на место могильника.

Саженях в 70-ти от вала, близ дороги, ведущей из села Сайгатка в дер. Ольховка, по осыпи косогора бросились в глаза вымытые из земли человеческие кости. Костяк, около которого были найдены Шабердиным буса и клинок ножа, был очищен имевшимися ножами от земли. С правой стороны костяка были найдены ещё два маленьких обломка железного ножа и часть продолговатой бронзовой пряжки. У нижних конечностей второго костяка, лежавшего с левой стороны рядом с первым, немного повыше его, найдены бронзовая бляшка, в виде пуговицы, диам. 2 сант., 2 небольших железных обломка, по-видимому от пряжки, и обрезанная по краям раковина не местного происхождения, по форме очень похожая на затылочную кость человека, с длинным диаметром в 8 сант. И с коротким в 5,5 сант.; на месте соответствующем затылочному бугорку, просверлена дыра, диаметров в 1,5 сант. Судя по расположению костяков, главным образом второго, не сдвинутого с места, трупы погребались головой на северо-восток.

Прикамская Жизнь. 11 июня, № 126 (извлеч.); Пермския Вед. 20 июня, № 131.

Из книги: Труды Научного общества по изучению Вотского края. Выпуск V. Ижевск. 1928 г. Д.В. Шабердин.

Памятники старины Среднего Прикамья. стр.64

V. Фокинский район (быв. Осинский уезд)

С. Сайгатка на левом берегу Камы, пристань.

а) Первое Сайгатское городище.

Городище расположено ниже села на 1 ½ килом., против самой пароходной пристани, на очень высоком, обрывистом берегу, на площадке одна сторона которой кончается обрывистым берегом Камы, другая же противоположная была обнесена валом, остатки которого еще заметны. Площадка в длину, по берегу, имеет 6 метров и около 30 метр. ширины.

Около городища, метрах в 80-ти вглубь от берега, находится могильник, который в весеннее время размывается.

Городище и могильник были обследованы мной в первый раз еще в 1914 году, но поверхностно. Тогда были найдены в одной полуразрушенной могиле череп, бронзовая пряжка и большая агатовая буса, лежавшая с правой стороны черепа, а также было найдено много черепков глиняной посуды с примесью раковины.

Во второй раз городище и могильник также поверхностно были обследованы в июле 1926 года.

Городище теперь уже распахивается, а могильник размывается более и более.

В этот раз найдены в одной сильно размытой могиле череп и около него с правой же стороны какой то предмет из крупной раковины в 9 сантим. Длины и в 7 сантим. ширины, овальной, вдавленной продолговатой формы с правильным крупным отверстием по середине. В роде этой вещи была найдена поделка из раковины и в 1914 году, но она при пересылке вещей в Вятку, по требованию губернатора, оттуда в Петербург в Археологическую комиссию и обратно в Сарапул, затерялась. Остальные находки все хранятся в Сарапульском Музее.

б) Второе Сайгатское городище.

Городище находится в верхнем конце с.Сайгатки на берегу реки Сайгатки при впадении её в Каму. Представляет собой возвышенный мыс, на котором растут десятка два довольно старых елей.

Крестьянин Федор Михайлович Колегов, живущий в этом селе, неподалеку от этого места, в 1925 году начал копать на этом мысу яму для овощей и на глубине 70 сант. нашел несколько разных бронзовых предметов. Взяв несколько вещей Колегов далее копать не стал и, засыпав яму, о найденных вещах сообщил в Сарапульский музей.

Летом 1926 года я поехал в с. Сайгатку с целью осмотра этого второго городища и осмотра найденных Колеговым вещей, но, к сожалению, его не застал дома, так как он захворал и уехал в больницу. Вскоре после этого, однако, Колегов переслал в Сарапульский музей две штуки из найденных вещей, которые оказались бронзовыми кельтами небольших размеров, долотообразной формы, без ушков; один из них с красивым рисунком. стр.71

Из книги: ВЕСТНИК УДМУРТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 113 ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ 2013. Вып. 1

Т.М. Сабирова

ИЗУЧЕНИЕ ПРИКАМСКИХ ФИБУЛ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ
Современный аналог археологически фиксируемых фибул – броши. За столетия, отделяющие нас от времени бытования фибул, неоднократно трансформировался их внешний облик, но неизменными оставались две вещи – основа фибулы (игла/игла и пружинный механизм) и декоративное оформление. Именно совмещением этих двух составляющих – функциональной нагрузкой (= застежка одежды) и декором (= украшение) фибулы интересны для целого ряда специалистов. Как археологический источник они обладают огромным потенциалом для реконструкции многих аспектов существования древних обществ. Демонстрируя консервацию и устойчивость традиционной культуры, они показывают этническую принадлежность людей, выражают мировоззренческие взгляды, говорят об уровне развития ремесла и ювелирного дела, определяют контакты и миграции племен, характеризуют преемственность поколений, эстетические принципы эпохи и т. д. Являясь составной частью

костюмного комплекса, они отражают также половозрастной, социальный и имущественный статус владельца. Фибулы дают возможность получения данных для реконструкции технологии изготовления подобных предметов на определенном этапе исторического развития. При таком подходе указываются использование конкретных материалов и их сочетание, восстанавливаются процесс создания изделия и особенности его оформления. Разработка и реализация этого направления – достаточно сложное дело, но полученные результаты, как правило, всегда являются одной из наиболее существенных частей наших представлений о том или ином древнем населении. В Прикамье в первой половине I тыс. н.э. на основе привозных импортных экземпляров фибул сформировался специфический вариант этих застежек одежды. Локальная территориальная представленность фибул и четкое соотнесение их с материалами пьяноборской культурно-исторической общности позволяют считать фибулы важным источником для изучения исторических процессов, происходивших в это время в бассейне р. Камы. Большая часть прикамских фибул выполнена из сплавов цветных металлов на основе меди; в силу своих физико-химических свойств такие изделия имеют лучшую (по сравнению с железными украшениями) сохранность, что позволяет эффективно использовать различные современные методики определения технологии их изготовления. Вместе с тем накопленный в результате археологического изучения Прикамья массив источников позволяет комплексно изучить фибулы не только с отдельных памятников, но со всей территории их распространения в прикамском регионе. На данный момент в пьяноборских материалах выявлено более 450 фибул различной степени сохранности, происходящих из 23 могильников и с площадок трех городищ. Фибулы получают распространение на всей территории Восточной Европы – от Прибалтики на западе до Уральских гор на востоке начиная со II в. до н.э. [2. С. 5]. Используя предложенную М.Б. Щукиным и дополненную Л.Н. Коряковой схему «культурных миров», можно представить пути распространения фибул из «мира античных цивилизаций»

(Средиземноморье) в направлении северо-восточных областей Восточной Европы [15. Рис. 36]. Распространяясь по столь обширной территории, фибулы на протяжении столетий изменяли свою форму, зачастую практически до неузнаваемости. Различия в декоре и морфологическом строении застежек позволяют использовать фибулы как надежный источник по датировке, выявлению производственных центров, направлениям торгово-культурных контактов и экономических связей [18. С. 55].

Изучению данного типа застежек посвящено несколько монографий, большое количество научных статей, а также докторские и кандидатские диссертации. Практически для каждого культурного образования в Восточной Европе характерны специфические варианты фибул, общими для всех остаются те самые импортные образцы, которые легли в основу каждой из местных разновидностей фибул.

На настоящий момент для фибул Восточной Европы актуальной остается классификация, созданная А.К. Амброзом [2], расширенная и дополненная А.С. Скрипкиным [32]. В 2010 г. огромный массив фибул сарматского времени юга Восточной Европы был систематизирован В.В. Кропотовым.

Статистическая выборка крайне внушительна (более 6000 экз.) и обработана с точки зрения типологии, классификации и основных технологических приемов производства фибул сарматской эпохи [19]. На территории Прикамья импортные экземпляры фибул найдены в погребениях более чем 15 могильников пьяноборского времени. Наиболее представительна в этом плане коллекция Тарасовского могильника, где из почти 150 фибул импортное происхождение имеют порядка 20 экземпляров [25. С. 134]. Также много неместных фибул в материалах Ново-Сасыкульского (14 экз.) и Бирского (10 экз.) могильников.

Естественно, вопросы аналогий, датировок и путей проникновения импортных фибул на территорию Прикамья неоднократно поднимались в археологической литературе. Сейчас, благодаря накопленным за последние десятилетия материалам стало возможным сделать анализ публикаций, в которых затрагиваются

вопросы бытования импортных фибул пьяноборской культурно-исторической общности.

Едва ли не самой объемной публикацией, посвященной импортным фибулам в Прикамье, на сегодняшний день является статья «Фибулы Тарасовского могильника: информационный потенциал» [25]. Анализируя застезки Тарасовского могильника, автор выделила в его материалах несколько типов неместных фибул. Лучковые подвязные одночленные (4 экз.) – близки фибулам позднесарматских памятников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья и связаны с территорией Северного Причерноморья. Прикамские экземпляры датируются III в. н.э., с запаздывание в 50 лет относительно общепринятой датировки А.К. Амброза и А.С. Скрипкина (Цит. по: [25. С. 136]). Также они найдены в материалах Ново-Сасыкульского, Худяковского, Ошкинского могильников [4. С. 107; 24. С. 7].

Шарнирные фибулы-броши с эмалевой вставкой встречены в трех погребениях Тарасовского могильника. Индивидуальный декор и форма каждой из застезек делают невозможным установление прямых аналогий, однако в целом их можно датировать второй половиной II – серединой III вв. н.э. по аналогии с фибулой из позднесарматского нижневолжского кургана [25. С. 137]. Помимо Тарасовского, этот тип фибул зафиксирован также в материалах Ошкинского могильника [24. С. 11]. Пружинные фибулы с пластинчатым корпусом завитком на конце сплошного пластинчатого приемника – наиболее представительная часть импорта как в материалах Тарасовского, так и в погребениях других могильников. Именно на основе этого типа развилась местная традиция – бабочковидные фибулы. Поэтому часть переходных форм, отличающихся постепенным расширением щитка фибулы, сложно однозначно атрибутировать как импортные. Исходя из орнаментальных различий, Н.А. Лещинская выделяет два возможных пути поступления этих фибул в Прикамье: через позднесарматские памятники Южного Приуралья или заволжский позднесарматский ареал. Их датировка окончательно не определена, но в целом, судя по

сопровождающему инвентарю, их можно датировать концом II–III в. [25. С. 138]. Также фибулы с завитком на конце пластинчатого приемника зафиксированы в погребениях Ново-Сасыкульского, Мазунинского, Сайгатского могильников. Две раннеримские шарнирные дуговидные фибулы типа «Ауцисса» найдены при раскопках Ново-Сасыкульского могильника. Авторы, вслед за А.К. Амброзом, датируют их первой половиной I в. н.э. [4. С. 121]. Там же зафиксированы пять экземпляров пружинных фибул с гладким корпусом и кнопкой на конце сплошного пластинчатого приемника. Помимо Ново-Сасыкульского могильника, такие фибулы зафиксированы в материалах Ныргындинского II, Чегандинского II, Мазунинского могильников. Б.Б. Агеев датирует их II–III вв., опираясь на выводы А.К. Амброза [1. С. 38].

Группа сильно профилированных фибул с бусиной на головке и с крючком для тетивы представлена на Ново-Сасыкульском, Старо-Кабановском, Чегандинском II, Ныргындинском I могильниках, а также в сборах с Ананьинского могильника [17]. Первоначально, исходя из определений А.К. Амброза, они были датированы II – первой половиной III в. [1. С. 38]. Позднее, с опорой на новые источники, удалось уточнить нижнюю дату – вторая половина II в. [12. С. 65]. В целом, по мнению М.Г. Мошковой, сильнопрофилированные фибулы нехарактерны для сарматских памятников Южного Урала и поступали с запада, из танаисских мастерских (Там же).

Таким образом, наибольшее распространение в Прикамье получили фибулы из танаисских мастерских, которые бытовали, судя по сарматским материалам, до III в. н.э. Далее на сарматской территории появляются северокавказские фибулы [32. С. 113]. В Прикамье же на основе пружинных фибул с пластинчатым корпусом и завитком на конце сплошного пластинчатого приемника формируются местные варианты застежек. В качестве этномаркирующего компонента для Прикамья выступают бабочковидные фибулы. Для них характерен округлый или овальный щиток со специфическим декором, который своим расположением напоминает крылья бабочки. Повсеместно

распространенные в Прикамье бабочковидные фибулы практически не упоминаются в обобщающих работах, посвященных фибулам европейской части России, во многом из-за их узколокальной привязки и территориальной удаленности.

К 1960-м гг. в Прикамье активно шел процесс накопления источниковой базы, проводились раскопки памятников пьяноборского времени, результаты которых постепенно вводились в научный оборот силами сотрудников Удмуртской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Генинга. Многие памятники на тот момент были еще не изучены и не опубликованы, поэтому в классификацию А.К. Амброза попала только одна разновидность бабочковидных фибул из Мазунинского могильника. А.К. Амброз отмечает, что такие фибулы характерны для мазунинского времени (на тот момент III–VI вв.) и вписывает их в свою классификацию как фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника (группа 13-9), которая ведет свое происхождение от сарматских фибул [2. С. 46, табл. 5-23, 6-1].

Говоря об археологическом изучении Прикамья во второй половине XX в., нельзя не сказать о большом количестве публикаций, посвященных как отдельным могильникам, так и археологическим культурам в целом. Естественно, подобные публикации охватывают широкий круг вопросов, куда входит также и характеристика погребального инвентаря, в том числе фибул. Стандартная схема описания, характерная для такого типа публикаций, включала в себя обычно следующие характеристики: общее количество фибул на памятнике, варианты их месторасположений в погребении, краткая характеристика материала застежек (бронза, железо) и выделение местных типов фибул и аналогии им в других прикамских памятниках этого времени, выделение импортных фибул и определение путей их поступления. Этой схеме в той или иной степени соответствуют публикации материалов Ижевского, Мазунинского, Ново-Сасыкульского, Ныргындинского I и II, Ошкинского, Покровского, Сайгатского, Старо-Кабановского, Тураевского, Усть-Сарапульского

могильников [1. С. 38; 3. С. 44; 4. С. 106-107; 5. С. 69-70; 6-9; 10. С. 92; 11. С. 118-122; 12. С. 65-66; 24. С. 7, 11; 27. С. 102; 28. С. 36-37; 30. С. 9-10; 33. С.130-131].

Т.И. Останина, в рамках своей работы над общей характеристикой археологических материалов мазунинского времени (III–V вв.), разработала классификацию прикамских фибул [29]. Типы выделены по внешнему виду застежек (бабочковидные, бантикообразные и фибулы сайгатского типа), варианты бабочковидных – по размеру, материалу и степени насыщенности щитка фибулы орнаментом; варианты бантикообразных – по различиям в оформлении крепежного механизма. На основании проведенного анализа взаимовстречаемости фибул с другим погребальным инвентарем и определения датирующих аналогий как для отдельных вещей, так и для комплексов удалось распределить большинство типов и вариантов фибул по хронологическим группам. Планиграфический анализ распространения фибул в материалах прикамских могильников позволил Т.И. Останиной выявить ареалы распространения разных типов застежек.

Т.А. Лаптева, проделав большую работу по сбору материала, предприняла попытку вписать комплекс прикамских фибул в классификацию А.К. Амброза, расширив ее за счет подробного деления бабочковидных фибул на варианты [20]. Однако выбранный ею подход, учитывающий даже количество и точное расположение декоративных элементов, сделал классификацию дробной и непригодной для дальнейшего использования. Впоследствии она применила конструктивный подход и нормированное описание прикамских застежек, основываясь на принципе, предложенном Ю.Л. Щаповой и др. [23]. Также ею были затронуты вопросы хронологии фибул: автору удалось выделить фибулы I, II, II–III, III, IV–V вв. Однако, к сожалению, результаты исследования нашли свое отражение лишь в форме тезисов выступления на конференции, что не дает возможности посмотреть выборку и типы вещей, использованных для анализа их взаимовстречаемости в погребениях [21]. В целом Т.А.Лаптева

делает вывод о начале массового производства местных бабочковидных фибул в III в. н.э., специфический декор которых проявляется и в других украшениях и принадлежностях прикамского костюма [22].

Опыт изучения фибул с точки зрения использования их в костюмном комплексе нашел свое отражение в работах А.А. Красноперова. В его работе по изучению костюмного комплекса чегандинской культуры фибулы классифицированы как застежки нижней или верхней одежды. Только в случае нахождения двух застежек в области груди, одна из которых располагается над или выше другой, можно однозначно определить более мелкую или нижнюю как застежку ворота рубахи, вторую же – как застежку верхней одежды [16. С. 53]. Однако этот принцип, по мнению автора, нельзя однозначно применять к одиночным фибулам. Выводы А.А. Красноперова подтверждены многочисленными реконструкциями костюма с фибулами из погребений Тарасовского, Ново-Сасыкульского, Усть-Сарапульского, Старокабановского и Ижевского могильников [16. Рис.145-147, 150-153, 191, 205, 207, 212, 228, 229, 231, 232, 235, 238, 239].

Н.А. Лещинская, область научных интересов которой связана с вятскими памятниками пьяноборского времени, изучала фибулы Тарасовского могильника с точки зрения их происхождения и датировки. Найденные аналогии к импортным фибулам позволили ей уточнить датировку ряда застежек. Однако поднятый ею вопрос – были ли прикамские фибулы привозными или являлись репликами на импортные изделия – остается открытым. В распоряжении Н.А. Лещинской были данные о составе сплава только трех фибул из Ошкинского и Худяковского могильников, что не позволило делать надежные заключения. Вместе с тем ряд косвенных факторов (малочисленность, неустойчивая морфология, следы ремонта на отдельных экземплярах) указывает на импортное происхождение части тарасовских фибул [25. С. 136].

Вопросы хронологии и датировки прикамских материалов так или иначе связаны с изучением фибул. Для ранних этапов функционирования пьяноборского времени важно выявить

датирующие импортные застёжки, для периода III–V вв. разработать хроностратиграфию специфических местных бабочковидных фибул. Основываясь на классификации, предложенной Т.И. Останиной, Р.Д. Голдина и Н.А. Лещинская включили фибулы в перечень хронологических маркеров Тарасовского могильника и выявили в развитии могильника четыре последовательно сменяющихся этапа: группы погребений I–II, конец II–III, III–IV, V вв. [13].

С точки зрения технологии изготовления прикамские фибулы практически не изучались. Авторы ограничивались описанием составных частей застёжек и визуальными определяемыми технологическими приемами их изготовления. Т.И. Останина замечает, что к концу XX в. состав предметов из цветного металла прикамских памятников оставался практически не исследован [31. С. 51]. Однако в последнее десятилетие исследования такого характера появляются все чаще. Так, в 2006 г. П.М. Ореховым была подготовлена кандидатская диссертация, посвященная изучению различных аспектов бронзолитейного производства Прикамья [26]. В исследовании охарактеризован состав металла более 300 предметов (в том числе нескольких фибул) постананинского времени бассейна р. Вятки. Эта тенденция комплексного изучения изделий из цветного металла при помощи не только типичных для археологии методов, но и с использованием естественнонаучного подхода нашла свое продолжение в публикации материалов Нырғындынского I могильника [12]. Монография включает в себя каталог погребений, иллюстрации инвентаря, характеристику погребального обряда, классификацию археологического материала. Дополнением к изданию выступает статья, посвященная изучению состава металла некоторых украшений Нырғындынского I могильника. Авторам удалось выявить типичный для местных изделий состав сплава, прояснить вопрос о происхождении золотистых блях-зеркал и установить импортное происхождение двух из трех нырғындынских фибул [14].

Обзор археологических публикаций, посвященных изучению прикамских фибул и наработкам в области комплексного изучения

источников, показал актуальность и перспективность изучения фибул с точки зрения всех возможных на данный момент направлений. Применительно к фибулам можно выделить, как минимум, пять исследовательских направлений, позволяющих в полной мере охарактеризовать их как археологический источник и в разной степени уже применявшихся к прикамским фибулам: археологический контекст (характеристика фибул как индикатора социального статуса и половозрастной стратификации на основании изучения погребальных комплексов с фибулами); определение функциональной нагрузки (место фибул в костюмном комплексе, способы и особенности их использования); технологический аспект (выделение производственных алгоритмов, характеристика сырьевой базы металла фибул); хронологическая атрибуция; культурно-историческая привязка.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992.
2. Амброс А.К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1966.
3. Арматынская О.В. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века: сб. науч. тр. Устинов, 1986.
4. Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой. Уфа, 1986.
5. Васюткин С.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник – памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Ижевск, 1986.
6. Генинг В.Ф. Ижевский могильник // Вопросы археологии Урала. Вып. 7. Ижевск, 1967.
7. Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Вып. 7. Ижевск, 1967.
8. Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. Ч. I // Вопросы археологии Урала. Вып. 10. Свердловск; Ижевск, 1970.

9. Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. Ч. II // Вопросы археологии Урала. Вып. 11. Свердловск; Ижевск, 1971.
10. Генинг В.Ф., Мырсина Е.М. Мазунинский могильник // Вопросы археологии Урала. Вып. 7. Свердловск, 1967.
11. Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье. Ижевск, 2010.
12. Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Нырғындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 22. Ижевск, 2012.
13. Голдина Р.Д., Лещинская Н.А. Хронология Тарасовского могильника I–V вв. в Среднем Прикамье // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1997.
14. Голдина Р.Д., Перевошиков С.Е., Сабирова Т.М. О составе металла некоторых украшений Нырғындинского I могильника I–III вв. н.э. в Среднем Прикамье // Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Нырғындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 22. Ижевск, 2012.
15. Корякова Л.Н. Археология раннего железного века Евразии // Виртуальная библиотека EUNnet.URL : <http://virlib.eunnet.net/books/ironage/>
16. Красноперов А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н.э. – V в. н.э.): дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006.
17. Красноперов А.А. К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к констатации ответа // Древняя и средневековая археология Волго-Камья: сб. к 70-летию П.Н. Старостина. Казань, 2009.
18. Кропотов В.В. Фибулы юга Восточной Европы II в. до н.э. – III в. н.э. как объект археологических исследований // Вопросы духовной культуры. Исторические науки. Киев, 1999.

19. Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010.
20. Лаптева (Коробейникова) Т.А. Фибулы Среднего Прикамья (дипломная работа). Устинов, 1986.
21. Лаптева Т.А. Хронология фибул Прикамья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: тез. докл. Екатеринбург, 1993.
22. Лаптева Т.А. Бронзовые фибулы Прикамья // *Historia Fenno-Ugrica* I; 1-2. Oulu, 1996.
23. Лаптева Т.А. Конструктивная классификация застёжек Прикамья III в. до н.э. – V в. н.э. // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья: сб. ст. Ижевск, 2002.
24. Лещинская Н.А. Ошкинский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке. Ижевск, 2000.
25. Лещинская Н.А. Фибулы Тарасовского могильника: информационный потенциал // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения). Ижевск, 2010.
26. Орехов П.М. Бронзолитейное производство Прикамья в постананьинский период: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006.
27. Останина Т.И. Нивский могильник III–V вв. н.э. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978.
28. Останина Т.И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия. Ижевск, 1984.
29. Останина Т.И. Население среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997.
30. Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992.
31. Останина Т.И., Канунникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б. Кузубаевский клад ювелира VII в. как исторический источник. Ижевск, 2011.

32. Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // Советская археология. 1977. № 2. С.100-120.
33. Стоянов В.Е. Сайгатский могильник на средней Каме // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1964. Вып. 4. С. 117-134.
34. Памятники истории и культуры Пермской области / под науч. ред. В.Мухина; сост. Л.Шатров; худож. С.Ковалев. - 2-е изд., перераб. и доп. - Пермь : Перм. кн. изд-во, 1976. - С. 19, 39.
35. Имайкина, Е. Некрополи земли Чайковской / Е. Имайкина // Огни Камы. - 2003. - 17 июня. - С. 4.

ГЛАВА 2

Красное Плотбище

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК.

Чайковский р-н. Площадь 3 999 га.

Первый участок. Границы. Вост.: от места пересечения административной границы Перм. обл. и Республики Удмуртия с р. Камой вверх по течению по левому берегу р. Камы (по линии среднего многолетнего уреза воды в летнюю межень) до северо-вост. угла квартала 39 Чайковского лесничества Чайковского лесхоза.

Юж.: от северо-вост. угла квартала 39 Чайковского лесхоза по юж. границе квартала 39 до пересечения с вост. границей квартала 38 Чайковского лесничества Чайковского лесхоза, затем на юг по границе квартала 38 до его юго-вост. угла, далее на запад по юж. границам кварталов 38, 37, 36, 35 (исключая промплощадку) до юго-зап. угла последнего (до административной границы Перм. обл. и Республики Удмуртия). Зап. и сев.: от юго-зап. угла квартала 35 Чайковского лесничества Чайковского лесхоза по административной границе Перм. обл. и Республики Удмуртия на север до места пересечения с р. Камой.

Второй участок. В границах квартала 47 Чайковского лесничества Чайковского лесхоза.

ДЕНИСОВ В. П. РАСКОПКИ КРАСНОПЛОТБИЩЕНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ // Археологические открытия 1976 г. ; отв. ред. акад. Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1977. – С. 144–145.

Чайковский отряд Камской экспедиции Пермского государственного университета совместно с Пермским областным краеведческим музеем продолжили раскопки Красноплотбищенского поселения на левом берегу р. Камы, 4 км. северо-западнее дер. Чернушки Чайковского р-на Пермского обл. Поселение (10 000 кв. м) расположено на краю первой надпойменной террасы, которая двумя уступами выходит к берегу р. Камы и систематически разрушается весенними паводками. На поверхности его прослеживаются следы не менее 40 углублений, сохранившихся на месте древних жилищ-полуземлянок. Ранее здесь были раскопаны шесть прямоугольных жилищ-полуземлянок и одна хозяйственная постройка.

В 1976 г. изучалась продолговатоовальное углубление (24x8 м), канавообразное дно которого углублено по отношению к краям на 0,5 м. Углубление располагалось вдоль края верхнего уступа террасы на высоте 10 м. над уровнем реки и полностью вписалось в границы раскопа (26x12 м). В результате удалось почти полностью проследить очертания сложного жилища-полуземлянки. Длина его не превышала 27 м, а ширина — 9 м. В центре находилась жилая секция, имевшая правильную прямоугольную форму (10 x 8 м). Уплощенное дно ее было углублено в песчаный грунт на 0,5—0,6 м (1,0— 1,1 м. от современной поверхности). Вдоль продольной оси этой секции прослежены два овальных грунтовых очага, размером 1,5 x 1,2 м. К западу и востоку от нее располагались две хозяйственные секции, через которые осуществлялся выход на поверхность. Обе они углублены в грунт, но несколько меньше, чем центральная секция жилища. С восточной секцией (5x8 м) неправильной прямоугольной в плане формы центральная часть соединялась углубленным переходом длиной 4 м, а от западной, имевшей

прямоугольную форму, отделялась перегородкой. Внутри хозяйственных секций прослежено еще по одному овальному грунтовому очагу диаметром около 2 м. Кроме того, в хозяйственных секциях обнаружены четыре развала керамики от больших глиняных сосудов полу яйцевидной формы.

В заполнявшем жилище культурном слое, мощность которого достигала 1 м, встречено много мелких фрагментов керамики, орнаментированной преимущественно гребенчатым штампом; мелкие шлифованные тесла и долота; кремневые наконечники, в основном листовидной формы; ножи, скребки, проколки, сверла, а также многочисленные обломки орудий, кремневые осколки и отщепы. В жилище найдена также небольшая очковидная медная подвеска. Материал из жилища находит близкие аналогии из памятников гаринского этапа турбинской культуры и позволяет датировать его серединой II тыс. до н. э.

Из книги: Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23), С. 13-21.

МЕТАЛЛООБРАБОТКА ГАРИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

С.В. Кузьминых, А.Д. Дегтярева, В.П. Денисов

Аналитические материалы свидетельствуют о функционировании на территории Верхнего и Среднего Прикамья металлургического очага — сравнительно маломощного на фоне производственных центров Циркумпонтийской металлургической провинции, но в то же время передового и достаточно крупного на фоне очагов и центров металлообработки энеолитических культур лесной полосы Северной Евразии. Производственная деятельность гаринского очага базировалась на добыче местных медистых песчаников, выплавке и плавке окисленной меди и в небольших масштабах — самородной. Достаточная осведомленность о свойствах и пороках окисленной меди, умение выплавлять ее из руды и обрабатывать при предплавильных температурах свидетельствуют о высокой квалификации кузнецов-литейщиков гаринского очага.

Эпоха раннего металла, гаринская археологическая культура, Прикамье, анализ металла, металлообработка, металлургический очаг.

Данная статья является первым опытом аналитического исследования металла гаринской культуры, который базируется не только на изучении химического состава металлических изделий, но и на выявлении технологических процессов их изготовления. Для исследования химического состава и микроструктурных данных были отобраны пробы и срезы для анализа. Настоящая выборка — в отличие от предшествующих сборов проб для спектрального анализа металла энеолитических культур лесной полосы Восточной Европы [Черных, 1970, табл. XI; Кузьминых, 1977а, б; 1980; 1995; Кузьминых, Агапов, 1989; Кузьминых, Черных, 1976; Черных, Кузьминых, 1977; Черных и др., 2011, табл.] — носила случайный характер и определялась доступностью материалов в археологических фондах Пермского государственного университета и краевого краеведческого музея.

В исследованной выборке (24 экз.) в равной мере представлены как готовые мелкие изделия, так и полуфабрикаты и слитки с низкой металлоемкостью. Они происходят из поселений Красное Плотбище (19 экз.), Чернашка (2 экз.), Заюрчимское 1 (1 экз.), Бор 1 (1 экз.) и святилища Писаный камень (1 экз.) (раскопки и сборы 1950–1970-х гг. О.Н. Бадера, А.И. Чистина, В.П. Денисова) (рис. 1). В составе коллекции: орудия — ножи (2 экз.), обломок черешкового долота (1 экз.), шилья (6 экз.); украшения — бляшка-розетка, подвеска, браслет, пронизь; сырье и заготовки — слитки (4 экз.) и полосовые полуфабрикаты (7 экз.).

Культурный контекст всех поселенческих находок — слои и сооружения гаринской культуры. Сомнения есть лишь в отношении бляшки-розетки из слоя святилища под Писаным камнем. Она найдена не в слое святилища вместе с керамикой и каменными орудиями гаринской культуры, а в расщелине скалы вместе с кремневым наконечником стрелы подтреугольно-сводчатой формы с прямым основанием и пильчатой ретушью [Бадер, 1954, с. 250, рис. 6, 3]. Наконечники этого типа (их в святилище всего

три), по замечанию О.Н. Бадера, принадлежат к основному типу стрел Турбинского могильника [Там же, с. 247] и, добавим,— большинства известных сейминско-турбинских могильников, а также Канинского святилища [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 106, 24–39]. Сама бляшка-розетка относится к редкому типу украшений этнографически самобытного костюмного комплекта, присущего в Восточной Европе лишь носителям абашевской общности [Кузьмина, 2000, с. 102, 103, рис. 25]. В этой связи более вероятна связь данной находки с сейминско-турбинским или абашевским жертвенным комплексом на святилище Писаный камень.

Морфология исследованных предметов типична для металлопроизводства гаринской культуры Прикамья. Ножи из поселений Бор 1 и Чернашка [Бадер, 1961а, рис. 23, 1; Черных, 1970, рис. 56, 43] — двулезвийные, с выделенным черенком — принадлежат к двум конечным типологическим разрядам (КТР). Первый — с асимметричным лезвием и притупленной пяткой черенка. К этому же разряду среди орудий энеолитических культур лесной полосы отнесен нож из Удельно-Шумецкого 5 поселения волосовской культуры [Халиков, 1969, рис. 55, 23; Никитин, 1991, рис. 62, 14]. Второй КТР — орудия с симметричным лезвием и игловидным черенком — является наиболее распространенным типом ножей в культурах лесного энеолита (7 экз.). Кроме Чернашки, это экземпляры с поселений гаринской культуры Старушка 3, Лёвшино, Камский Бор 2, Тюремка 3 и юртикской — Усть-Лудяна 2 [Черных, 1970, рис. 56, 40; Коногорова, 1961, рис. 14, 2; Бадер, 1961б, рис. 104, 4; Черных, 1970, рис. 56, 41; Наговицын, 1980, рис. 12, 1; Кузьминых, 1980, рис. 1, 1]. Условно к этому же разряду отнесен медный нож из числа случайных находок у д. Пашино на оз. Сугояк в Красноармейском р-не Челябинской обл. (ЧОКМ, № 4881).

В 1971 г. на поселении Красное Плотбище (р. 1, яма, уч. В/Г–6, 7) было найдено, как полагал В.П. Денисов, «небольшое клиновидное орудие» [1972, с. 23]. Его можно отнести к разряду небольших, но массивных долот с узким поперечным лезвием [Там же, рис. 18, 1], широко использовавшихся на протяжении всей

эпохи раннего металла. В слое над ямой обнаружены еще два клиновидных орудия или заготовки [Там же, с. 23]. Один из фрагментов (рис. 1, 3) был аналитически исследован. Сохранилась, судя по всему, деформированная пятка массивного кованого долота или его заготовки; сечение клина — трапецевидное. О типе орудия судить затруднительно, но отметим, что массивные долота и литейные формы заготовок для их отковки известны в энеолитических культурах лесной полосы: в той же гаринской — поселения Бойцовское 6, Русско-Азибейское 3, поздневолосявской — Ховрино, имеркской — Новый Усад 4, Волгапино [Бадер, 1961б, рис. 47, 4; Кузьминых, 1977а, рис. 7; Вискалин, 2002, рис. 5, 1; Королев, Ставицкий, 2008, рис. 160, 1, 2, 4, 5, 7–9, 11–14; 161, 1–9]. Серия шильев (6 экз.) из поселений Заюрчимское 1 (рис. 1, 4) [Бадер, 1959, с. 118], Красное Плотбище (рис. 1, 5–8) [Денисов, 1970, рис. 21, 5–7, 9; 1972, рис. 28, 1–3, 5, 6, 15] и Чернашка (рис. 1, 9; Пермь, АКУ, № 436–6600) принадлежит к разряду обоюдоострых³, без упора; сечение — круглое, квадратное и прямоугольное; шило с Чернашки — с загнутым концом. Орудия данного КТР, наряду с шильями с притупленным концом, являются наиболее распространенными не только в энеолите лесной полосы, но и в культурах эпохи раннего металла в целом. Обоюдоострые шилья известны в таких гаринских памятниках, как Камский Бор 2, Заосиновское 1, Выстелишна, Тюремка 3, Русско-Азибейское 3 [Коногорова, 1961, рис. 13, 6; Денисов, 1983, с. 144; Бадер, 1961а, рис. 45, 2; 1961б, рис. 104, 2; Кузьминых, 1977а, рис. 3, 7] и др.

Кроме упоминавшейся бляшки-розетки абашевского типа из святилища у Писаного камня, аналитически исследованы еще три украшения — подвеска, браслет и пронизь из поселения Красное Плотбище [Денисов, 1972, с. 23, 32, рис. 28, 11]. Первое из них (рис. 1, 11) относится к разряду кованых массивных колец с сомкнутыми концами. Подвески — лунницы и кольца — принадлежат к характерной группе украшений гаринской культуры. Среди них особенно выделяются кованые подвески-лунницы с несомкнутыми концами (Красное Плотбище, Выстелишна, Старушка, Усть-Паль)

[Денисов, 1977, с. 145; Бадер, 1961а, рис. 45, 1; Бадер, 1959, рис. 33, 1; рис. 47, 2]. Массивные расплющенные кольца являются их модификацией и широко распространены в энеолитических культурах лесной полосы — от Карелии (Пегрема 1, Вигайнаволок 1) и Финляндии (Suovaara) до Урала (см. обзор: [Кузьминых, 1995]). Фрагмент широкого пластинчатого медного браслета (рис. 1, 13) — единственное подобное украшение в памятниках гаринской культуры. Браслеты в целом не характерны для энеолитической металлообработки лесной полосы. Не исключено, что в Красном Плотбище эта находка связана с позднебронзовым жертвенным комплексом [Денисов, 1973, с. 17, 22], к которому относятся три ножа с перекрестьем и перехватом (один из них с налитой рукоятью) [Денисов, 1970, рис. 21, 1–3], два наконечника копья с лавролистным и листовидным пером и укороченной втулкой [Денисов, 1973, рис. 17, 1, 2].

Пронизь свернута из массивной раскованной пластины (рис. 1, 10) и принадлежит к разряду несомкнутых, с заходящими краями. Кроме Красного Плотбища, аналогичные находки есть и в других энеолитических памятниках Уральского региона — Чернушка (2 экз.), Чебаркуль 10 и Береговая 6 (см. обзор: [Кузьминых, 1995]). В последующие эпохи бронзы и раннего железа подобные пронизи изготавливались уже из тонкой листовой меди и бронзы.

Слитки и полосовые полуфабрикаты (пластины), наряду с отходами производства (капли, сплески, лом), составляют в процентном отношении львиную долю металла в энеолитических памятниках лесной полосы. Поселения гаринской культуры особенно насыщены сырьем, заготовками и отходами производства [Там же].

Проанализированные изделия представлены одной металлургической группой — чистой медью. Данные микроструктурного анализа позволили также уточнить характер исходного сырья — в преобладающем большинстве образцов (70 %) обнаружены включения эвтектики Cu-Cu₂O, свидетельствующие об использовании для изготовления предметов чистой окисленной меди. По всей видимости, основным исходным сырьем служил

малахит, куски которого в большом количестве встречены в слое поселения Красное Плотбище [Денисов, 1970, с. 40; 1972, с. 26]. Вполне вероятным представляется также использование для плавки самородной меди, в изобилии встречающейся на рудных месторождениях Прикамья. Косвенным свидетельством этого могут служить данные микроструктурного анализа полосовой заготовки, на шлифе которой обнаружены многочисленные включения эвтектики $\alpha\text{Cu}+\alpha\text{Ag}$. Судя по площади, занимаемой эвтектикой, содержание серебра в составе заготовки доходит до 10 %. По данным Н.В. Рындиной, самородная медь, помимо других признаков, диагностируется также повышенным содержанием серебра, концентрация которого может доходить до целых долей процента [1998, с. 20].

Изготовление орудий труда и украшений осуществлялось преимущественно с использованием кузнечных процессов (64,3 %), реже — с использованием литейных технологий (35,7 %). Литье в односторонних литейных формах с плоскими крышками зафиксировано лишь для ножей и украшений — этнических индикаторов: бляшки-розетки и подвески. Лезвийная часть ножей после литья дорабатывалась кузнечной ковкой, направленной на вытяжку и заострение лезвий. Ковка протекала либо при предплавленных температурах 900–1000 °С, либо в режиме неполной горячейковки при 250–400 °С (ан. 1167, 1159; рис. 2, 1, 2). Вывод находит подтверждение в особенностях микроструктурных данных — размерах кристаллов, степени деформированности исходной литой структуры, замерах микротвердости металла.

Долото (представленное обломком) и шилья изготовлены также из чистой окисленной меди в процессековки, сопровождавшейся степенями обжатия металла 70–80 %, в двух случаях обжатие не превышало 50–60 % (долото, шило, ан. 1186, 1188). Ковка направлена на придание заготовкам прямоугольной или овальной формы, заострение рабочих окончаний. Следов преднамеренного упрочнения металла холодной проковкой в микроструктурах изделий не обнаружено, замеры микротвердости металла

находились в пределах 78–119 кг/мм². Преобладала горячаяковка в режиме 600–800 °С (ан. 1186, 1189, 1188, 1160; рис. 2, 3–5, 8). Изготовление двух шильев велось при предплавильных температурах 900–1000 °С, о чем свидетельствует диаметр зерен 0,12–0,15 мм, а также показатели микротвердости металла 79–89 кг/мм² (ан. 1163, 1191; рис. 2, 7, 8) [Равич, Рындина, 1989, с. 99]. Одно орудие проковано при низких температурах — в режиме неполной горячейковки при 250–400 °С, на что указывает наличие отдельных рекристаллизованных участков на фоне деформированной матрицы (ан. 1157, рис. 3, 1).

Украшения изготавливались либо по литейным технологиям, либо свободной кузнечнойковкой. Значимые этнические маркеры — подвеска и бляшка-розетка были отлиты в односторонних литейных формах с плоскими крышками, о чем свидетельствуют хорошо прослеживаемые литейные швы на боковых поверхностях изделий (рис. 4). Судя по характерным губчатым затекам, отливка украшений производилась в глиняные литейные формы. После литья подвеска согнута в кольцо при предплавильных температурах 900–1000 °С, при этом первоначальная литая полиэдрическая структура практически не изменилась, появились отдельные участки крупных рекристаллизованных зерен (ан. 1161, рис. 3, 2). Браслет и пронизь получены также из чистой медиковкой полосовых заготовок, направленной на плющение изделий и сворачивание на округлых оправках. Операции осуществлялись вгорячую при температуре 600–800 °С (ан. 1187, рис. 3, 3) и 900–1000 °С при степенях обжатия 80–90 % (ан. 1164, рис. 3, 4).

Исследованные слитки имеют небольшой вес, отлиты на дне сосудов или небольших тиглей (ан. 1184, 1166, 1185, 1183; рис. 3, 5, 6). Изделия относятся к категории рафинированных, поскольку металл отличается исключительной чистотой. При микроструктурном исследовании обнаружены лишь включения эвтектики Cu-Cu₂O. Остывание некоторых слитков происходило замедленно по мере остывания печей или очагов на открытом

воздухе, что привело к чрезмерному окислению (ан. 1166, рис. 3, 6).

Заготовки представляли собой полосовые полуфабрикаты, предварительно отлитые в литейных формах и далее подвергнутые ковке с обжатием 50–60 % или с использованием более существенных степеней обжатия 70–80 %. Кузнечные операции проводились в горячую при температуре 600–800 °С (ан. 1162, 1178, 1182; рис. 3, 7), а также 900–1000 °С (ан. 1179, рис. 3, 8). В трех случаях заготовки были прокованы в режиме неполной горячейковки при температуре 300–500 °С (ан. 1180, 1181, 1196). В одном случае обнаружена рекристаллизованная структура на фоне большого количества крупных линзовидно-вытянутых цепочек включений эвтектики $\alpha\text{Cu}+\alpha\text{Ag}$ ярко-синего цвета, к появлению которых приводит ограниченная растворимость компонентов в твердом состоянии. Судя по площади, занимаемой эвтектикой, содержание серебра в меди доходило до 10 % [Двойные и многокомпонентные системы..., 1979, с. 51].

Гаринские кузнецы были осведомлены о свойствах чрезмерно окисленной меди — ее повышенной хрупкости при всех видахковки, поэтому обработка сопровождалась предохранением поверхности металла от окисления [Сучков, 1967, с. 8]. В 60 % случаев содержание кислорода находилось в пределах нормы и только в микроструктурах 7 изделий концентрация кислорода составляла 0,25–0,39 %. Свободная ковка по формовке орудий и украшений осуществлялась преимущественно в горячую — при температуре 600–800 °С (42,1 %) или при предплавильных температурах 900–1000 °С (31,6 %), гораздо реже — при низких температурах в режиме неполной горячейковки при 250–400 °С (26,3 %). Использование высокотемпературных предплавильных режимов обработки металла при 900–1000 °С представляется очень интересным и примечательным фактом, поскольку требовало достаточно высокой квалификации и длительных навыков обработки окисленной меди. Режим холодной обработки металла по данным микроструктурного анализа не отмечен.

Полученные аналитические материалы свидетельствуют о функционировании на территории Верхнего и Среднего Прикамья металлургического очага сравнительно маломощного на фоне производственных центров Циркумпонтийской металлургической провинции, но в то же время передового и достаточно крупного на фоне очагов и центров металлообработки энеолитических культур лесной полосы Северной Евразии. Производственная деятельность гаринского очага базировалась на добыче местных медистых песчаников [Черных, 1970; Кузьминых, Агапов, 1989], выплавке и плавке окисленной меди и в небольших масштабах — самородной. Достаточная осведомленность о свойствах и пороках окисленной меди, умение выплавлять ее из руды и обрабатывать при предплавильных температурах свидетельствуют о высокой квалификации кузнецов-литейщиков гаринского очага. Кроме того, есть основание предполагать, что камская металлообработка развивалась под влиянием приуральского ямного очага, в котором использовались практически те же технологии, но в более крупном масштабе, с производством массивных металлоемких орудий и оружия [Дегтярева, 2010, с. 68–69]. Во всяком случае, нами было зафиксировано распространение традиций металлургического производства приуральских ямных племен в Зауралье и Северном Казахстане. Благодаря мобильности степных скотоводческих племен достижения различных сфер хозяйственной деятельности достаточно быстро распространялись на сопредельных и отдаленных территориях.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Ч Е С К И Й С П И С О К

Бадер О.Н. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. 1954. № 21. С. 241–258.

Бадер О.Н. Камская археологическая экспедиция в 1956 г. // КСИИМК. 1959. Вып. 74. С. 110–123.

Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Прикамье // МИА. 1961а. № 99. 198 с.

Бадер О.Н. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы // ОКАЭ. 1961б. Вып. 2. С. 110–271.

- Вискалин А.В. Поселение ранних металлургов и коневодов на Барыше // Твер. археол. сб. 2002. Вып. 5. С. 370–377.
- Двойные и многокомпонентные системы на основе меди. М.: Наука, 1979. 247 с.
- Дегтярева А.Д. Древнее металлопроизводство Южного Зауралья. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.
- Денисов В.П. Отчет об археологических раскопках, проведенных Пермским отрядом Нижнекамской археологической экспедиции Института археологии АН СССР [в 1969 г.]. Пермь, 1970 // Архив ИА. Р-1, № 3963.
- Денисов В.П. Отчет о разведках и археологических раскопках, проведенных Сарапульской группой Пермского отряда Нижнекамской археологической экспедиции Института археологии АН СССР в 1971 г. Пермь, 1972 // Архив ИА. Р-1, № 4641.
- Денисов В.П. Отчет об археологических раскопках, проведенных Пермским отрядом Нижнекамской археологической экспедиции Института археологии АН СССР в 1972 г. Пермь, 1973 // Архив ИА. Р-1, № 5226.
- Денисов В.П. Раскопки Красноплотбищенского поселения // АО 1976. М.: Наука, 1977. С. 144–145.
- Денисов В.П. Работы Заосиновского отряда // АО 1981. М.: Наука, 1983. С. 144–145.
- Коногорова (Ширинкина) А.М. Жилища 3–8 поселения Камский Бор II // ОКАЭ. 1961. Вып. 2. С. 76–94.
- Королев А.И., Ставицкий В.В. Энеолит // Археология Мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы. Саранск: НИИГН, 2008. С. 107–133, 307–370.
- Кузьмина О.В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.: Европейский Дом, 2000. С. 65–134. (Археологические изыскания; Вып. 63)
- Кузьминых С.В. К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии // СА. 1977а. № 2. С. 20–34.

- Кузьминых С.В. Новые материалы о ранней металлообработке Нижнего Прикамья // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев: КГПИ, 1977б. С. 26–28.
- Кузьминых С.В. Первые анализы меди с энеолитических поселений бассейна р. Вятки // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск: УдмИЯЛИ, 1980. С. 147–150.
- Кузьминых С.В. Евразийская металлургическая провинция (лесные и лесостепные производящие центры). М., 1995. (Рукоп. Архив лаборатории естественно-научных методов)
- Кузьминых С.В., Агапов С.А. Медистые песчаники Приуралья и их использование в древности // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 178-197.
- Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Анализы меди и бронз с поселений Нижнего Прикамья эпохи раннего металла // Из археологии Волго-Камья. Казань: КФАН, 1976. С. 47–54.
- Наговицын Л.А. Поселение Усть-Лудяна II // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск: УдмИЯЛИ, 1980. С. 96–117.
- Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края (середина III — начало II тысячелетия до н.э.). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 152 с.
- Особо охраняемые территории Пермской области: реестр /отв. ред. С. А. Овеснов. Пермь: Книжный мир, 2002. 464 с.: ил., карт.
- Равич И.Г., Рындина Н.В. Методика металлографического изучения древних кованых изделий из меди // Естественнонаучные методы в археологии. М.: Наука, 1989. С. 91–100.
- Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. М.: Эди-ториал УРСС, 1998. 288 с.
- Сучков Д.И. Медь и ее сплавы. М.: Металлургия, 1967. 248 с.
- Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 395 с.
- Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. 1970. № 172. 180 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. О химическом составе металла с волосовских поселений Верхнего и Среднего Поволжья // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1977. Вып. 2. С. 88–95.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии: (Сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлоносные культуры лесной зоны вне системы

Циркум понтийской провинции: Проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: Таус, 2011. Вып. 2. С. 24–62.

